

К ВОПРОСУ О ЛЕКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВАХ СВЯЗИ

Я. БУЙТКЕНЕ

В последние десятилетия много внимания уделяется лингвистике текста. Объектом исследования стал текст как наивысшая синтаксическая единица, вследствие чего возникла необходимость установить и определить закономерности организации и функционирования этой единицы. Хотя современное положение лингвистики текста свидетельствует о том, что пока еще ни одна из ее проблем (таких как определение структуры и границ единицы текста, ее компонентов, связующих средств и т.д.) не получила удовлетворительного и единодушного решения, все-таки можно полагать, что многие исследователи сходятся в том, что важнейшим организующим принципом текста является его связность, так как несвязных текстов не бывает.

Связности текста способствуют несколько факторов. По словам В. А. Бухбиндера и Е. Д. Розанова, „это, прежде всего, логика изложения, отражающая соотнесенность явлений действительности и динамику их развития; это, далее, особая организация языковых средств – фонетических, лексико-семантических и грамматических, с учетом также их функционально-стилистической нагрузки; это коммуникативная направленность – соответствие мотивам, целям и условиям, приведшим к возникновению данного текста; это композиционная структура – последовательность и соразмерность частей, способствующие выявлению содержания; и, наконец, само содержание текста, его смысл“ [Бухбиндер, Розанов, 1975, с. 75].

Таким образом, опираясь на данное понятие связности текста можно выделить следующие главные ее аспекты: коммуникативный, логический, языковой. Известно, что текст рассматривается как максимальная дискретная единица коммуникации. Коммуникация представляет собой обмен информацией, т.е. сообщение со стороны говорящего и понимание со стороны слушающего. Для достижения этой цели, т.е. для удачного осуществления процесса коммуникации, текст прежде всего должен строиться по определенным логическим законам. Суждение, являясь логической основой построения предложения, вступает в связь с другими суждениями и образует логический каркас текста. На логический каркас текста накладывается и с ним

переплетается лингвистическая сторона текста, которая представляет собой целый ряд важных проблем.

Общепризнано понимание языка как иерархии уровней, каждый из которых имеет свои собственные единицы (фонема, морфема, слово, предложение). Следовательно, и текстовый уровень обладает такой единицей, вычленение которой сталкивается с определенными трудностями.

Прежде всего следует отметить, что структурная единица текста понимается довольно широко: это и одно (два) предложение, и абзац, и целое произведение. Наиболее удачно и приемлемо понимание структурной единицы текста как сверхфразового единства (СФЕ). Однако по поводу того, что следует понимать под СФЕ, единого мнения нет. Большинство исследователей считают, что нижней границей единства являются два предложения (или одно сложное), а верхняя граница формально немаркирована. Когда под СФЕ понимается абзац, его границы формально маркированы абзачными отступами.

Отсутствие формальных маркеров верхней границы СФЕ заставляет некоторых исследователей ссылаться на область семантики, что приводит к утверждению, будто границы этого единства задаются определенной темой, событием, и именно эта тема объединяет отдельные предложения в связный текст. Однако такой подход к установлению границ СФЕ не лишен субъективизма, так как „самые элементарные житейские темы: погода, встреча, приезд, обед и т.д. — не могут служить отправной точкой для определения некоторого законченного текста как законченного фрагмента конкретного коммуникативного процесса“ [Колшанский, 1978, с. 32]. Поэтому ученые в каждом конкретном случае подчеркивают какой-либо аспект (структурный, логический, коммуникативный и др.) данного единства, соответствующий целям исследования.

Так как СФЕ отличается от случайного набора предложений тем, что в нем все взаимосвязано, возникает проблема межфразовых связей. Предложения, объединяясь в СФЕ, служат для передачи какой-то мысли, т.е. являются коммуникативно направленными. Между ними прослеживается смысловая связь, которая находит свое выражение в поверхностном строении текста и опирается на структурную организацию предложений. Исходя из этого, некоторые лингвисты все свое внимание уделяют выяснению структурной связи, в то время как другие интересуются вопросами смысловой связи, показателями которой являются такие связующие средства, как повтор, субституция, союзы и т.д.

Что касается данных связующих средств, необходимо отметить отсутствие единства мнений по поводу их классификации: одни ученые классифицируют связующие средства, исходя из их функций в тексте, другие прини-

мают во внимание их семантические свойства, третьи интересуются средствами, способными выразить те или иные логико-смысловые отношения между компонентами СФЕ. Напр., М. П. Котюрова, опираясь на тот факт, что некоторым языковым единицам, кроме номинативной, в тексте присуща дополнительная грамматическая функция связи, подводит такие единицы под рубрику лексико-грамматические средства связи и относит сюда местоимения, наречия и т.д. [Котюрова, 1978]. Учитывая смысловую сторону языковых единиц, Н. А. Турмачева к лексико-грамматическим средствам связи относит слова-субституты, определенный артикль, степени сравнения и др. [Турмачева, 1973].

Таким образом, обилие классификации связующих средств и их неадекватный содержательный объем объясняются разносторонним подходом к данному вопросу. Однако в любом случае вырисовываются два противоположных разряда связующих средств – средства лексические и средства грамматические. В большинстве случаев граница между ними зыбка и расплывчатая, так как лексическое и грамматическое в языке и в слове неотделимы. „Грамматическое значение... не существует реально как таковое отдельно от лексического. Но и лексическое в слове, хотя оно и является основным в нем, всегда соединено с грамматическим и в действительности не выступает отдельно. В единстве лексического и грамматического – главная особенность слова“ [Ахманова, 1957, с. 66].

Анализ лексических средств связи требует четкого понимания того, какие словарные единицы представляют собой данные связующие средства. Необходимо отметить при этом, что средства связи, выявляющиеся на синтаксическом уровне (эллипсис, параллелизм синтаксических конструкций, порядок слов и др.) и на морфологическом (видо-временное, модальное согласование и др.) являются чисто грамматическими по своей природе.

На лексическом уровне в качестве связующего средства может выступать почти весь словарь данного языка. Но так как словарный состав любого языка не является монолитным и равным, естественно, что и его единицы играют различную роль в системе языка вообще и в системе связующих средств, в частности.

Слово, как уже было отмечено, представляет собой синтез лексического и грамматического. Соотношение лексического и грамматического варьирует и в неодинаковой степени проявляется в лексико-грамматических рядах слов. Более того, слово выполняет определенную функцию в той или иной сфере языковой деятельности. Эти два свойства слова как языкового знака (смысловое содержание и выполняемая им функция) легли в основу многочисленных классификаций словарного состава языка. Общеизвестным является факт выделения и противопоставления двух больших раз-

рядов словесных знаков — полнозначных (знаменательных), обладающих полной семантической структурой, выполняющих в языке сигнификативную и номинативную функции, и неполнозначных (полузнаменательных, служебных), выполняющих функции связи, замещения первых [Уфимцева, 1968; 1974].

Изложенная выше концепция о распределении слов как языковых знаков в системе языка, с одной стороны, и наличие лексического и грамматического значений в словарных единицах, с другой, должны быть учтены, на наш взгляд, при классификации связующих средств.

Следует отметить, что наиболее отчетливо лексическое и грамматическое значения различаются у полнозначных слов. Что касается служебных слов (союзов, предлогов, частиц и др.), вопрос о сочетании и взаимодействии в них лексических и грамматических значений решается в лингвистической литературе по-разному. С одной стороны, высказываются мнения о том, что служебные слова полностью лишены какого бы то ни было лексического значения, что они характеризуются лишь одним — грамматическим значением. С другой стороны, все большее распространение приобретает точка зрения, согласно которой служебные слова обладают не только грамматическим, но и лексическим значением. Наиболее ярко последнее направление было разработано А. И. Смирницким, который отмечал, что в служебных словах следует различать: „1) грамматическое значение... 2) собственно лексическое значение, специфическое для каждого слова и отличающее его как именно данное конкретное слово от всех прочих служебных слов“ [Смирницкий, 1959, с. 367]. Таким образом, представляется целесообразным придерживаться того мнения, что служебные слова обладают лексическим значением, хотя и общим, абстрактным по своему содержанию.

Учет данных характеристик словарного состава языка позволяет заключить, что лексические единицы могут выступать в текстах литовского и английского литературных языков как лексико-грамматические и лексические связующие средства.

Лексико-грамматические средства связи (сюда относим союзы, частицы, некоторые наречия, местоимения и др.) представлены неполнозначной лексикой на том основании, что в ней на первый план выдвигается грамматическая функция связи. Последняя наиболее ярко прослеживается у союзов и некоторых групп частиц; однако нельзя их функции ограничивать лишь тем, что они только связывают компоненты текста; сцепляя предложения, они благодаря своему лексическому значению выражают различные логико-смысловые отношения между ними. Напр., противительные отношения могут быть выражены союзом *bet* (лит.), *but* (англ.):

Šitie keturi kampai sudaro kryžkelį. Pirmiau čia būta smiltingų vieškelių. *Bet* dabar jau supiltas plentas, jungiaš kaimą, taip sakant, „su visu pasauliu...“ (S AŠL, 10).

He was glad to leave school. It had not been unpleasant, he had enjoyed the companionship of the other youths, or had thought he enjoyed it, the time had passed very quickly, in endless activity. *But* he knew all the time that he was in an ignominious position, in this place of learning (L R, 17)

Союз *ir (and)* чаще всего выражает отношения присоединения:

Visu raupiu sukvipto ievos, baltos kaip pusnys, tad ir žiūrėti nelabai galėjai, o galva sukosi, kai tik patraukdavai oro arti iš jų. *Ir* Akmenytė piliakalnio papėdėj sužaliavo, sužydėjo visa (B SVD, 230).

Well, he was happy, if half the world were weeping at the funeral of the other half. *And* it was a jolly girl sitting beside him. *And* Woman was immortal, whatever happened, whoever turned towards death (L R, 73).

Однако большинство союзов благодаря обобщенному лексическому значению способно выразить несколько логико-смысловых отношений. Тот же союз *ir* выражает отношения присоединительно-перечислительные, отношения обобщения, противительные и др.:

Neišėjo Marytė pas Maslionį. *Ir* išsiruošė ji vieną rytą su Antanėliu ir Stanisla-vu miestelin (B PV, 142.)

Iškūlėm visiškai klojimą, o paskui ir kitą. Marijonai užlipus versti trečiojo, pragydo tvartuose gaidys. Jam tuojau atitarė kaimyno giedorius, o šitam – kito kaimyno. *Ir* sugiedojo, sukariekojo visi viensėdžiai aplinkui (B PV, 47).

Частицы в этом смысле более конкретны. Чаще всего, выступая в роли скреп отдельных предложений вместе с многозначными и слишком обремененными значениями союзами, они выполняют функцию их „семантико-синтаксических конкретизаторов и актуализаторов“ [Маслова, 1977, с. 76].

Klebono balsas buvo nelinksmas. *Ir* ne *tiktai* sveičių vakarais, o visada ir visur (B PV, 450).

Спорно положение лексико-грамматического класса местоимений. По причине своеобразия их лексического значения некоторые ученые вообще не выделяют местоимения в особую часть речи, другие выделяют их в особую группу слов (наряду со знаменательными и служебными словами), а третьи относят к служебным словам. Это связано с тем, что в семантическом плане местоимения приобретают смысл лишь при вступлении в связь с другими словами, т.е. в тексте. Возможность функционирования только при наличии текста или ситуации обуславливает и важнейшие функции местоимений: дейктическую и анафорическую. Указывая на определенную языковую ситуацию или соотнося два элемента текста, т.е. antecedent и местоименную конструкцию – повтор, местоимения связывают их, но в данном случае

отсутствует свойственное союзной связи разнообразие логико-смысловых отношений между связанными элементами. Связь, осуществляемая при помощи местоимений, создает нейтрально окрашенное (в случае отсутствия особых оценочных моментов лексического характера) повторение, вследствие чего в большинстве случаев доминируют отношения тождества:

Bet Šimoniai moka tylėti. *Jie neišplepa kitiems savo sielos paslapčių* (S AŠL, 17).

Then she lapsed again to stupor and indifference. *This was bound to pass* (L R, 56).

К лексико-грамматическим средствам связи примыкает и перифраз, представляющий собой взаимодействие и синтез всех связующих средств (лексических, лексико-грамматических, грамматических):

Taip prasidėjo mano metai šitam kieme. Treti pusberniavimo metai. Gal ir paskutiniai. Ateinančiais eisiu jau už berną.

Jie nebuvo geri man, šitie metai.

Atvirai pasakius, *niekam tikę buvo* (B PV, 118).

Нетрудно заметить, что лексико-грамматические связующие средства не составляют однородного класса: одни из них (союзы, частицы и др.) более близки к грамматическим, а другие (перифраз, некоторые группы местоимений) — лексическим связующим средствам, которые представляют для нас наибольший интерес.

Лексические средства связи включают однозначную лексику, представленную в лексико-грамматических классах существительных, прилагательных, наречий, глаголов и числительных на том основании, что главная функция их и назначение — служить средством наименования объектов и явлений действительности, их признаков и т.д. Связующая функция для них является более специфической, требующей определенных условий (выходя за пределы предложения, а также наличия определенной синтаксической и логико-смысловой структуры).

Лексическая связь в тексте представляет собой повтор определенных лексических единиц, понимаемый достаточно широко: от собственно лексического повтора до таких лексико-семантических классов слов, как синонимы, антонимы, слова тематических групп и др. А это значит, что вопрос об употреблении в тексте того или иного связующего средства спаян со стилистикой, так как „стилистика рассматривает эффект выбора тех или иных лексических, синтаксических, фонетических и т.д. средств в разных условиях общения“ [Арнольд, 1971, с. 6]. Именно повтор в широком смысле слова и представляет выбор лексических связующих средств.

Как показывает материал современного литовского и английского языков, лексическая связь в текстах осуществляется при помощи следующих лексико-семантических классов слов:

а) синонимов:

Įšplikusiu alksnynu, trioškėdami ežeriokščio vilksvyno ledu, *ėjo* visi šventieji, mojuodami ilgais ir juodais savo skvermais. Ir kur *ženg* jie, kur *koją statė*, ten liūdo paskutinis medžių lapelis ir žolės kuokštėlis, ir dangus pritemo, pasunkėjęs žemai nukarusiais debesimis. (B PV, 451).

Oh, Lad, I should like to have you here to show you my *lodgings*. I now have a *room* such as always longed for, without a slanting ceiling and without blue paper with a green border (S DT, 11);

б) антонимов (в трех типах „противоположностей“: дополнительности, антонимии и конверсивности [Лайонз, 1978]:

Vakare, Karaliui dar maldą bekalbant, kaip kiekvieną kartą, prie motinos prisiglaudęs, *užmigo* Marčiukas. Motina laikė jį, kad nesukniubtų, prispaudusi prie savęs. Bet „Tėve mūsų“ kalbant, jis vėl *atsibudo* ir kalbejo drauge (S VK, 78).

He wanted *something* to get hold of, to pull himself out. But there was *nothing* (L R, 26);

в) слов одной тематической группы:

Tvartai šitam kieme dideli, pilni galvijų ir kiaulių, avių, arklių. Ir *daržinės* privarytos šieno, ir *klojimai* su aprūkusia *jauja*, o dar *svirnai* su vežimdėčiu per vidurį, dar maltuvė su bulvių aruodais, miltų skryniom, dar *pirtis* sodo gale (B PV, 121).

The *terrace* in front of the house was a long narrow strip of turf, bounded along its outer edge by a graceful stone *balustrade*. Two little *summer-houses* of brick stood at either end (H CY, 46);

г) слов, выражающих отношения „целое“ — „часть“:

Martynas prisilenkia prie lavono ir stebi mirusio *veidą*. Tėtuko *akys* pusiau praviros (S VK, 15).

Brangwen marvelled over the cold, animal intelligence of the *face*. The brown eyes were round, showing all the brown pupil ... (L R, 24).

д) однокоренных слов:

Karštas vurdurdienis. Karaliaus kieme atrodo, kad visi išmirę būtų — tokia *tyla*. Kelis kartus tingiai supapnojo gandras, kažkur užgiedojo gaidys, jį pamėgdžiojo gaidžiukas, ir vėl *tylu* (S VK, 58).

Then, when he was twenty-three, his mother *died*, and he was left at home with Effie. His mother's *death* was another blow out of the dark (L R, 21);

а также при помощи лексического повтора:

Ant balto šilkų atlaso priegalvio ilsisi negyva senelio galva. Baltais *pinikais* apsiūti priegalvio kraštai. Baltais *pinikais* apkabinėti ir juodo grabo kraštai. *Pinikus* gražina žodžiai ... (S VK, 11).

But one blind instinct led her, to take him, to have him, and then to relinquish herself to him. It would be *safety*. She felt the rooted *safety* of him, and the life in him (L R, 55).

Вышеупомянутые лексико-семантические классы слов, выступая в качестве связующих средств, также способствуют установлению логико-смысловых отношений внутри СФЕ наряду с частицами, союзами и т.д. И это позволяет предполагать, что в большинстве случаев, вступая во взаимодействие с грамматической и лексико-грамматической связью, лексические средства связи конкретизируют и уточняют данные отношения.

APIE LEKSINES TEKSTO RIŠLUMO PRIEMONES

J. BUITKIENĖ

Reziumė

Straipsnyje nagrinėjamos kai kurios teksto lingvistikos problemos, aptariama, kas laikyti leksinėmis teksto rišlumo priemonėmis. Pastarosios funkcionuoja tekste kaip leksinės – semantinės žodžių grupės: sinonimai, antonimai, bendrašakniai žodžiai ir t. t.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арнольд, 1971 — Арнольд И. В. Тематические слова художественного текста. — *Иж.* языки в школе, 1971, № 2, с. 6.
- Ахманова, 1957 — Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. — *М.*, 1957, с. 66.
- Бухбиндер, Розанов, 1975 — Бухбиндер В. А. Розанов Е. Д. О целостности и структуре текста. — *ВЯ*, 1975, № 6, с. 75.
- Колшанский, 1978 — Колшанский Г. В. Текст как единица коммуникации. — *В кн.: Проблемы общего и германского языкознания.* М., 1978, с. 32.
- Котюрова, 1978 — Котюрова Н. П. О понятии связности и средствах ее выражения в русской научной речи. — *В кн.: Стиль научной литературы.* М., 1978.
- Лайонз, 1978 — Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. — *М.*, 1978.
- Маслова, 1977 — Маслова Д. Н. Частицы „вот“ и „вон“ как показатели семантико-синтаксической связи между предложениями в тексте. — *В кн.: Неполнозначные слова.* М., 1977, вып. 2, с. 76.
- Смирницкий, 1959 — Смирницкий А. И. Морфология английского языка. — *М.*, 1959, с. 367.
- Турмачева, 1973 — Турмачева Н. А. О типах формальных и логических связей в сверхфразовом единстве: Автореф. канд. дис. — *М.*, 1973.
- Уфимцева, 1968 — Уфимцева А. А. Слово в лексико-семантической системе языка. — *М.*, 1968.
- Уфимцева, 1974 — Уфимцева А. А. Типы словесных знаков. — *М.*, 1974.

СОКРАЩЕНИЯ

- B PV**—**Baltušis J.** Parduotos vasaros.—V., 1977.
B SVD—**Baltušis J.** Su kuo valgyta druska.—V., 1973.
S AŠL—**Simonaitytė I.** Aukštųjų Šimonių likimas.—V., 1973.
S VK—**Simonaitytė I.** Vilius Karalius.—V., 1973.
H CY—**Huxley A.** Crome Yellow.—M., 1976.
LR—**Lawrence D. H.** The Rainbow.—Great Britain, 1976.
S DT—**Stone I.** Dear Theo.—N.Y., 1969.

Вильнюсский государственный
университет им. В. Капсукаса

Вручено
в сентябре 1979 г.